

ИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1804–1917 гг.)

С. И. Лиман, С. Б. Сорочан

Научная разработка проблем византийской истории началась в Российской империи с рубежа XVIII–XIX вв. В отечественной византистике этого времени и нескольких последующих десятилетий нашли своё отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – жизненно актуальные на тот период попытки оправдать концепцию «просвещённого абсолютизма» и доктрину «самодержавие – православие – народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений о непризнании или признании общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, её исторических связях и положении в мировой истории»¹.

Указанные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для её развития в отдельных регионах империи. Одним из крупных научных центров со сравнительно богатыми и, главное, самостоятельными византиноведческими традициями был Харьковский университет. Между тем вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует специальная работа, посвящённая проблеме зарождения здесь византистики. Исключением служат тезисы доклада С. Б. Сорочана и Ю. Ф. Фёдорова «Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в. – 1917 г.)», в которых однако не рассматриваются византиноведческие работы начального периода². В фундаментальной историографической монографии Г. Л. Курбатова упоминается лишь фамилия А. П. Зернина с перечнем его трудов³. Краткое упоминание А. А. Чекаловой в работе «Константинополь в VI в. Восстание Ника»⁴ о вкладе В. К. Надлера в изучение данной проблемы нуждается в дополнительных и более глубоких разъяснениях. Узкие рамки юбилейной статьи А. И. Митряева, Ю. А. Голубкина, С. И. Лимана «Медиевистика в Харьковском университете» не позволили более полно охарактеризовать научное наследие харьковских византиноведов⁵. И только творчество М. С. Дринова, в работах которого затрагивались проблемы болгаро-византийских отношений, стало предметом самого пристального внимания в отечественной историографии, впрочем, без должной оценки именно византиноведческой стороны студий⁶. Часть научного наследия харьковских византиноведов рассматривалась иногда и при характеристике отдельных узких проблем, то есть делалось это крайне поверхностно, косвенно. Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии Византии и показать историю зарождения харьковской византистики от открытия в 1804 г. императорского университета до 1917 г.

Знаменательно, что первые работы, в той или иной мере посвящённые византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования. Авторами их являлись представители самых разных наук – истории, философии, права. Наиболее ранней по времени создания следует считать работу профессора юриспруденции И. Ф. Тимковского (1772/73–1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808 г.), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф И. Ф. Тимковского, Н. В. Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же вре-

мя (1808 г. – С. Л., С. С.) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское учёное общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение – нам не известно»⁷. Подобная оценка работы харьковского учёного вполне позволяет говорить о её высоком научном уровне. Главные её выводы, скорее всего, легли в основу сохранившейся речи И. Ф. Тимковского «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808). «Если бы европейцы, – отмечал в ней харьковский учёный, – не ввели у себя римского права, Юстинианом уложенного, что были бы по сие время собственные их уставы, судопроизводство и зависящие от них дела правления?»⁸. Прибавим к этому, что рассмотренная И. Ф. Тимковским тема влияния византийского законодательства на отечественное и западноевропейское право во многом предопределила одно из направлений научных разработок отечественных византиноведов.

Уже в актовой речи харьковского адъюнкта философии И. М. Ланга «Об изучении юридических и политических наук» (1810 г.) отмечалось огромное влияние во всемирной истории римско-византийского права. И. М. Ланг особо подчеркнул роль византийского императора Юстиниана I в кодификации этого права, у истоков которого, по его верному мнению, стояли римские юристы. «Всяк исполняется благоговения к сей законодательной мудрости, – указывал учёный. – Трон Римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побеждённых»⁹. С И. М. Лангом будут солидарны и адъюнкты Харьковского университета 1820–30-х гг. К. Михайловский и Г. Гордеенков. В «Речи о начале и происхождении Российского законодательства» (1823) К. Михайловский отмечал, что расселение славян на Балканах с эпохи Юстиниана способствовало заимствованию ими римско-византийского права¹⁰. Г. Гордеенков в речи «О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи» (1835) в числе величайших законодателей всемирной истории называл Юстиниана, а в числе величайших правовых памятников – «превосходный», «славный Юстинианов Свод (Corpus juris)»¹¹. Впоследствии тема влияния византийского (римско-византийского) права на страны и народы Европы станет одной из ключевых в отечественной византистике, хотя в силу специфики трудного предмета до сих пор остается уделом избранных специалистов¹².

Другим направлением, которое со временем также делается традиционным, было изучение культурного влияния Византии на соседние государства. На эту тему в Харьковском университете успели высказаться уже современники И. Ф. Тимковского и И. М. Ланга, уроженец Германии, Х. В. Роммель (1871–1859) и французский эмигрант А. А. Дегуров (А. Дю Гур) (1765/66–1849). В актовой речи «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811) Х. В. Роммель высоко оценил ту значительную роль, которую сыграли в истории европейского, прежде всего итальянского, Ренессанса подданные погибающей Романии. «Убегающие и изгнанные греки, искусные во всех изящных науках», способствовали, по выражению Х. В. Роммеля, тому, что «греческие и римские умооткрытия чрез долгое время в целой Европе... были восстановлены, открыли прекрасный путь всем изящным наукам, и отверзли славнейшие и прозрачнейшие источники, из коих не токмо писания мужей мудрых и деяния героев, но и всё, что древность редкого и, так сказать, божественных внушений исполненного ни заключает, почерпать и заимствовать можем»¹³. С такой оценкой византийского влияния на европейское Возрождение был солидарен и А. А. Дегуров. Об этом влиянии он высказался в актовой речи «О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812). Последний период существования Византии и

разрушение её турками-османами, «коим ни наука управлять, ни вкус к просвещению были не известны», привели, по словам учёного, к массовому исходу из неё «отличных в каждом роде художников», которые «приходят в Италию искать той тишины и спокойствия, кои необходимо нужны для занятий разума»¹⁴.

Таким образом, изначально можно заметить выделение тех основных направлений византиноведческих исследований, которые, будучи заявленными, получают дальнейшее развитие. Однако в этих и в ряде последующих работ харьковских учёных византийская тематика не являлась пока преобладающей. Об истории Византии упоминалось лишь вскользь и, главным образом, в связи с правовыми и культурологическими вопросами. Социально-экономическая тематика здесь, впрочем, как и в невизантиноведческих студиях, находилась в лучшем случае на задворках. Существенное воздействие на создание отечественных концепций византийской истории стало оказывать и все более осваиваемое многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788). Его попытка представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила распространение в курсах лекций и учебной литературе университетов Украины. В этой связи становится понятно, почему в курсе лекций по истории средних веков известного и весьма талантливого харьковского историка М. М. Лунина (1806–1844), дошедших до нас в рукописи, полностью отсутствуют темы по истории Византии. Поразительно, но даже о величайших византийских завоеваниях М. М. Лунин говорит лишь в контексте тех войн, которые вели в VI в. новосозданные Вandalское и Остготское королевства, то есть германцы, а не ромеи. Назвав автократорство Юстиниана I «знаменитым»¹⁵, учёный в то же время считал показательным самостоятельность полководца Велисария, который отказался подписать договор, предложенный императором остготам, и добился в 539 г. сдачи Равенны¹⁶. Что же касается захвата византийцами Италии, то, по однозначному мнению М. М. Лунина, «...новая провинция не могла процветать под тяжестью Восточного деспотизма; притом безвременное вмешательство Юстиниана в церковные дела увеличило народное недовольство»¹⁷. Очевидно, что признать правление Юстиниана «золотым веком», как это будут делать впоследствии известные византилисты¹⁸, харьковский профессор не желал.

Научная деятельность М. М. Лунина завершилась за десятилетие до того, как в европейской и отечественной науке стало известно фундаментальное исследование английского медиевиста Д. Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 г.» (1854). Д. Финлею суждено было стать, по сути, первым византинистом европейского масштаба, который аргументировано оспорил концепцию историков Просвещения, в том числе Э. Гиббона, о тысячелетнем упадке Византии. Но и помимо влияния Д. Финлея и до, и после него, в отечественной византистике с каждым новым десятилетием всё более приобретало остроту стремление одних учёных – доказать, а других – как можно убедительнее оспорить утверждения Э. Гиббона.

Со времени выхода в 1808 г. сочинения И. Ф. Тимковского о законах Юстиниана прошло несколько десятилетий, прежде чем византийская тематика вновь стала предметом значимых специальных, в том числе диссертационных, фундаментальных исследований. Эти исследования можно распределить на две большие группы: 1) работы по истории византийско-славянских отношений; 2) работы, посвящённые внутривизантийской и церковной истории Византии.

Большой вклад в исследования по истории византийско-славянских отношений внесла магистерская диссертация харьковского филолога Н. А. Лавровского (1825–

1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853). Указанная диссертация имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н. А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа»¹⁹. Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях.

Лейтмотивом исследования харьковского учёного стало его утверждение о ромейском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников»²⁰. Для доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров Н. А. Лавровский предпринял глубокий текстологический сравнительный анализ, показав прекрасное знание древнерусского и среднегреческого языков. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырёх частей, в каждой из которых учёный рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков может представлять первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н. А. Лавровским и не разрешённым до конца по сей день, был вопрос о характере соглашения, заключённого Олегом под стенами Константинополя в 907 г. Харьковский учёный нисколько не сомневался в том, что это – договор, причём договор «отдельный, самостоятельный, скреплённый с обеих сторон клятвой и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н. А. Лавровского в связи с этим совсем другой загадочный вопрос: почему договор 907 г., внесённый в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы, ... не вошёл в формальный договор 911 г. и почти буквально повторён в договоре 945 года?»²¹. Для автора в данном случае всё представлялось предельно ясно: так как при заключении соглашения 907 г. русские преследовали, прежде всего, «...выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению, главным образом и объяснялось отсутствие статей 907 г. в заключительном договоре 911 г. Больше затруднений вызывал у автора ответ на вопрос почему Олег договор 907 г. почти без изменений вошёл в договор 945 г.? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал учёный, – скажем здесь только, что ... договор 907 года был вполне самостоятельный, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств»²².

Весьма расплывчатые формулировки Н. А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной источниковедческой базой относительно всего вышеизложенного он негласно оставлял историкам. На это своеобразное завещание откликнулось с течением времени довольно большое количество наследников, численности которых Н. А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. длятся до настоящего времени²³. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указ-

ывает, в частности, известный современный византист Г. Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)»²⁴. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди, считавшей договор 907 г. предварительным соглашением договора 911 г., тем не менее, в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление автора дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счёт: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключён договор между Русью и Византией так же в 907 г., или не был заключён, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до 911 г.»²⁵. Действительно, есть основания вести их отсчет по меньшей мере с начала 60-х гг. IX века²⁶.

Н. А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Доказательства становились всё более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились ещё «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия, и которая появляется в эпоху полного развития гражданственности»²⁷. «Если же русские, – продолжал далее учёный, – сами не могли сообщить внешней форме своим договорам, то они могли получить её только от греков». На основании приведённых им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокагты, Георгия Кедрина, Н. А. Лавровский убедительно доказал, что «...внешняя форма, в какую облакали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров»²⁸.

Вторая и последующие части диссертации учёного были посвящены главным образом тонким филологическим аспектам проблемы, которые мы, разумеется, опускаем. Наибольший интерес для нас здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н. А. Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, – продолжал далее учёный, – то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере»²⁹. В дальнейшем им была установлена зависимость синтаксиса языка договоров от среднегреческого языка и доказано в ходе анализа сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н. А. Лавровскому ещё раз подтвердить свою мысль об определяющем византийском влиянии на язык договоров, вышедших, следовательно, из секрета имперского ведомства логофета дрома. При этом учёный отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в самих статьях»³⁰. Такое мнение разделяют и современные византисты, углублявшиеся в препарирование филологии источников³¹.

Вклад Н. А. Лавровского в выяснение отношения текстов договоров русов к не дошедшим до нас греческим текстам, а также в их реконструкцию получил высокую оценку и признание его современников. Во многом учёному удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке, в том числе в украинских землях³².

Византийско-славянские, главным образом, византийско-болгарские отношения рассматривал в своём творчестве другой профессор кафедры славяноведения,

М. С. Дринов (1838–1906). Он был автором ряда работ, созданных им в харьковский период деятельности³³, а основные положения его концепции о влиянии Византии на соседние славянские государства были в более развёрнутом и аргументированном виде изложены в основном его труде – докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» (1876). Основным источником для написания этой работы послужили три десятка писем Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925), в которых, по выражению М. С. Дринова, «...заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии к Византии, а также и к другим её соседям»³⁴. И хотя следует признать вполне справедливым утверждение учёного о том, что подавляющее большинство этих писем осталось без внимания его предшественников, всё же правомерен вопрос: можно ли считать достаточной источниковую базу докторской диссертации по истории византийско-славянских отношений всего X в., если основой её служат письма, относящиеся к его первой четверти?

Несмотря на то, что работа была посвящена проблемам внешней политики на Балканах в X в., М. С. Дринов начинает своё исследование с крещения Болгарии в 863 г. Это событие, приведшее, по его словам, к установлению крепкого мира с Византией, позволило последней изменить в свою пользу соотношение сил и в других частях Европы. Так, среди успехов умного и деятельного византийского императора Василия Македонянина М. С. Дринов выделял победу над Каролингами, захват их владений в Далмации и Италии, успехи в борьбе с арабами и т. д.³⁵ При этом М. С. Дринов не дал в своей докторской диссертации ясного ответа на очевидный вопрос: насколько напряжёнными были усилия Византии, выигравшей церковную борьбу за Болгарию у римского папы, если присоединение болгар к греко-православной церкви принесло столь очевидные выгоды Константинополю? Подобное уточнение было бы тем ценней, что оно наверняка внесло бы коррективы в последующие рассуждения учёного. Иначе как понять, что выгодный Византии «крепкий» мир с Болгарией, «был нарушен, как только императора Василия сменил непохожий на него Лев Философ», который «легко подчинялся влиянию людей»³⁶. Виновницей нарушения дружественных отношений двух держав в правление Льва Философа и болгарского царя Симеона М. С. Дринов признавал исключительно Византию, а именно: приближённых императора, спровоцировавших своими торговыми злоупотреблениями очередную войну. Козни «торговых людей» из Эллады, Ставракии и Косьмы, судя по молвдулам, коммеркиариев Фессалоники конца IX–начала X в., их интриги с всесильным тестем василевса, Заутзем, как показывают современные исследования, действительно сыграли в развязанной «экономической войне» 894 г. главную роль, а «болгарская обида» могла проистекать из нарушений основных принципов митатной формы торговли³⁷. Безусловно, это даёт представление о поводе к очередному витку византийско-болгарского противостояния, но не вполне объясняет, почему на протяжении практически всего своего правления Симеон проводил антивизантийскую внешнюю политику. Между тем, по собственному признанию М. С. Дринова, «главное внимание его (Симеона – С. Л., С. С.) было сосредоточено на пересадке плодов византийской образованности в Болгарию»³⁸.

Антивизантизм самого М. С. Дринова в данном случае вполне очевиден. Эта черта его творчества отмечалась его исследователями неоднократно. Однако, перенося свой болгарский патриотизм в область научных исследований, М. С. Дринову иногда удавалось возвыситься над национальными чувствами. Так, например, он упрекал Симеона за грубый ответ византийскому патриарху Николаю, пытавшемуся предотвратить новую войну, и признаётся, что Симеон всячески стремился овладеть византийским

престолом. Однако противоположных высказываний у М. С. Дринова куда больше. Образы византийских императоров под его пером зачастую выглядят откровенно карикатурно, пресловутое византийское коварство возводится им в абсолют. Между тем успехи Болгарии в войнах против Византии существенно повлияли, по мнению автора, и на смену власти в Константинополе после Ахелойской и Катасиртской битв, и на сближение Византии с папством (так называемое «единение» 923 г.)³⁹, что едва ли можно отнести к выгоде болгарской стороны. В даровании Византией Петру Симеоновичу титула царя Болгарии М. С. Дринов также усматривал неблагоприятный замысел императорского двора во время очередного и очевидного сближения двух стран: «Под шумок торжественных заявлений своей дружбы к правительству Петра, Византия, пользуясь тем, что эти заявления открывали ей все государственные тайны этого правительства, деятельно работала над разложением могущества Болгарского царства, надеясь таким образом возратить себе со временем сделанные этому царству уступки»⁴⁰.

В этом разложении могущества Первого Болгарского царства, – заметим, царства, попортившего немало крови ромеям, – многие историки и до, и после М. С. Дринова винили богомилскую ересь, корни которой крылись в разгромленном Василием Македонянином павликианстве. Сам М. С. Дринов верно и убедительно показал социальную сущность богомилства, признавая, что «еретики встречали большое сочувствие в среде народа»⁴¹. Вместе с тем, продолжая оставаться по сути заложником своего болгарского патриотизма, учёный указывал на то, что эта ересь «...явилась противодействием сильно утвердившемуся византизму с его роскошным клиром, с его придворными кознями, с его государственным всемогуществом и общественным порядком»⁴². Начало усиленной пересадки этих византийских порядков в Болгарию историк усматривает уже во времена Борисова крещения и царствования Симеона. «Но окончательно дело это было завершено, в особенности по отношению к придворным порядкам, в царствование Петра введением греческой принцессы во дворец»⁴³. Таким образом, следуя логике М. С. Дринова и его антивизантийской концепции, задуманное Византией «разложение» Болгарии стало приносить свои плоды задолго до того, как византийские армии после нескольких десятилетий напряженных войн в 1019 г. поставили точку в истории Первого Болгарского царства.

Следующий период византийско-болгарских отношений – византийское владычество в Болгарии и восстановление её независимости – был фрагментарно рассмотрен М. С. Дриновым в рецензии на докторскую диссертацию Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства». Лейтмотивом данного критического разбора стало утверждение харьковского учёного о том, что «народ болгарский трудно мирился с византийским игом и сильно домогался своего освобождения»⁴⁴. По этой причине категорическое возражение рецензента вызвало высказывание Ф. И. Успенского о том, что «имя Болгарии и болгар было изъято из употребления не только византийских, но и западноевропейских писателей и путешественников XII в.»⁴⁵. Возражение рецензента в данном случае следует признать вполне справедливым, а упомянутые им византийские авторы – Анна Комнина, Иоанн Киннам, Никита Хониат (Акоминат) усилили бы эти возражения болгарскими этнонимами и топонимами в содержании своих работ.

Проблема этно-демографических изменений в завоёванной Болгарии стали вторым узлом противоречий рецензента и автора. Не возражая в целом против высказываний о том, что под властью Византии состав населения Болгарии значительно изменился, М. С. Дринов в то же время считал основным миграционным потоком печенежско-половецкий, шедший с севера и северо-востока, а не греческо-еврейско-турецкий, шедший с юга⁴⁶. В данной рецензии антивизантизм и болгарский патриотизм М. С. Дринова

значительно менее противоречат его научной объективности, чем на страницах его докторской диссертации. Он, в частности, не только придавал большое значение в поднятом против византийского владычества восстании половецкому и валашскому элементу, но и указывал на важность «для болгарских дел возмущения византийского полководца Алексея Враны, отправленного с военными силами империи против восставших болгар»⁴⁷. Мятеж же в Константинополе, гибель Враны и расстройство в империи произошли, по мнению Г. Г. Литаврина, около 1186 г.⁴⁸ Тем самым, рецензент признавал закономерность утраты Византией, положение которой резко ухудшилось уже после смерти василевса Мануила I Комнина (1143–1180), ранее завоёванной страны.

Государственная власть, её формы, её церковная политика в Византии, а также состояние самой византийской Церкви, иначе говоря, внутренняя история Византийской империи, составляла вторую значительную группу исследований рассматриваемого периода.

Заметной фигурой в византистике своего времени был профессор Харьковского университета А. П. Зернин (1821–1866). Воспитанник Петербургского главного педагогического института, он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже вполне сформировавшимся византистом он прибыл в Харьковский университет, где проработал с 1847 по 1863 г. Отметим также, что в течение трёх лет (1859–1862 гг.) А. П. Зернин был деканом Историко-филологического факультета. Он оказался первым учёным в украинских землях Российской империи, который ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам ромейской истории. Со всех точек зрения его можно считать зачинателем украинской ветви византистики. Отдельные новаторские подходы А. П. Зернин обнаруживал и в своих научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлечённых им исторических источников. По сути дела им был заложен новый подход, наметивший исток будущих успехов отечественного византиноведения, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

За время работы в Харьковском университете учёный подготовил три больших научных очерка: «Император Василий I Македонянин» (1854), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858). Преждевременная смерть в 45-летнем возрасте, ставшая следствием сильного переутомления и почти трёхлетней душевной болезни, не позволила талантливому ученому осуществить все свои научные замыслы, которые несомненно вывели бы его в лидеры тогдашней украинской византистики.

Общее, что объединяло все основные работы А. П. Зернина – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым преобладающим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий.

Учёный весьма высоко оценил в своём очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I». Подчёркивая роль василевса как законодателя, исследователь утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником⁴⁹. Новейшая передатировка А. Шминком Прохирона 907–908 гг. не меняют этого верного

заклучения, поскольку кодификация и переработка юстинианова права в Эпанакое (Исагоге) и 60 книгах Василик так или иначе была начата до Льва VI Мудрого⁵⁰.

А. П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, показательное, что до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним⁵¹. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, выступившего, по меньшей мере, на полвека раньше остальных. Много сделал учёный и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского изложения, научная работа А. П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия, человека из народа, до его восшествия на престол напоминают подвиги Геракла. При этом гипертрофированный научный интерес А. П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к её соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелёгкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели их добродетелям, А. П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его (Василия. – С. Л., С. С.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»⁵². Едва ли комплот даровитого, но полуграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императоропьяницы, да и сам изворотливый претендент на трон мог справедливо претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А. П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы византийской автократии, того самого самодержавия, наследственные основы которого пытался заложить василевс. Высокий профессионализм источниковеда, продемонстрированный здесь А. П. Зерниным, в ещё большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константине Багрянородном.

Как и в первом сочинении, учёный проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам василевс получил в работе А. П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, – писал учёный, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесён к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»⁵³. Эта оценка далека от характеристики Константина как «безвольного книжника», какой его еще недавно наделяли историки⁵⁴, но едва ли целиком объективна, поскольку правление этого императора (борьба с динамиами, внешнеполитическая дипломатия) указывают на его сознательные государственные усилия в обустройстве ромейского мира после прихода к власти в январе 945 г. и вплоть до смерти в 959 г.

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом при очевидных симпатиях А. П. Зернина к герою своего очерка и неприязни к противнику такового, стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Это тем более примечательно, что на фоне других сочинений учёного василевса именно данный трактат был известен хуже, а его боннское издание Иммануила Беккера появилось лишь в 1840 г., то есть на тот момент являлось новинкой, еще недостаточно введенной в научный оборот⁵⁵. Подобное предпочтение исследователь объяснял тем, что на основании именно этого труда «...мы можем судить, как понимал своё государственное значение Константин, и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»⁵⁶. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А. П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приёма учёного, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Впрочем, такое пространное цитирование имело свое преимущество в том, что позволяло читателю лучше познакомиться с текстом источника и самому извлечь из него то, что прошло мимо внимания автора очерка. В любом случае, столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и, не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нём одушевляющей силы»⁵⁷.

Между тем Г. Г. Литаврин в предисловии к российскому изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византинист не только считал, что Константин «...в сущности, продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А. П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего⁵⁸. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византинистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения в отношении Константина VII — правителя, у истоков которой стоял А. П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византинист не был одинок в своих попытках субъективного толкования византийской истории и ее источников⁵⁹.

Серию изданий А. П. Зернина о византийской истории продолжил его биографический очерк патриарха Фотия. От характеристики государственных деятелей Византии и их трудов учёный перешёл, таким образом, к изучению византийской Церкви, в данном случае — одного из наиболее интересных и важных её периодов. А отсутствие к тому времени в историографии специальных работ, посвящённых патриарху Фотию, делало его труд ещё более актуальным. По меньшей мере еще несколько десятилетий он будет оставаться пионером и в данном, намеченном им направлении исследований⁶⁰.

Антизападные и антикатолические высказывания А. П. Зернина явно отражали настроения российского общества, только что пережившего неудачную Крымскую войну. Впрочем, стремление противопоставить православную Византийскую империю католическому Западу не являлось доминирующей целью рассматриваемой работы. Первая и главная задача А. П. Зернина заключалась в том, чтобы разобрать ценнейший исторический материал, а именно – обильное эпистолярное наследие патриарха Фотия. В этом смысле данная монография учёного более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А. П. Зернина буквально пестрят цитатами из различных документов; некоторые письма приводятся целиком и вместе с пространными комментариями занимают по нескольку страниц. Публикация подобных письменных памятников представляет огромный интерес уже не столько для изучения жизни и деятельности высокоучёного патриарха, сколько для воссоздания объективной картины политической борьбы в империи, взаимоотношений между римско-католической и греко-православной церквями во второй половине IX ст. Именно в силу глубокого, пространного изложения источников эта работа не теряет ценность для современных источниковедов.

Много места в очерке уделено и личным столкновениям Фотия с папой Николаем I. «Вооружаясь против папы, – подчёркивал историк, – Фотий не имел в виду действовать от своего лица». Все усилия патриарха были обусловлены, по мнению А. П. Зернина, необходимостью защитить Восточную церковь и личной враждебности к Риму у него не было⁶¹. Это во многом совпадает с точкой зрения такого признанного авторитета по вопросу о Фотиевой схизме как Ф. Дворник, который, впрочем, едва ли был знаком с трудом А. П. Зернина⁶².

Подводя итог многообразной деятельности духовного главы Константинополя, учёный отмечал: «Противодействуя непомерным притязаниям пап, цариградские патриархи постоянно смотрели на Фотия, как на образец поборника и защитника древних уставов церкви. Неудивительно после этого, что латинские писатели и по настоящее время смотрят на него, как на виновника разделения церквей. Он действительно был виновником разделения в том смысле, что поставил непреодолимую преграду стремлениям Рима к главенству над восточной церковью. Видя невозможность осуществления своих планов, папы отделились, завещав своим преемникам и своей церкви вечную и непримиримую ненависть к Фотию»⁶³. Таким образом, реабилитируя Фотия, А. П. Зернин разделение Церковей поставил ему в заслугу, а папству – в вину.

Истории ранней Византии касался в своём многогранном творчестве другой профессор Кафедры всеобщей истории, В. К. Надлер (1840–1894), оригинальный исследователь с многообразными интересами, редкостный эрудит, прекрасный лектор, одинаково уверенно чувствовавший себя и в общении с ромейскими материалами VI в. и в истории России начала XIX в. Единственной, но достаточно объёмной работой учёного по этой теме стал очерк «Юстиниан и партии цирка в Византии» (1876 г.), надолго ставший хрестоматийным по этой проблематике. Очерк появился уже после того, как европейская византистика обогатилась первой специальной работой по данной теме, написанной швейцарским учёным В. А. Шмидтом⁶⁴. По этой причине В. К. Надлер не мог игнорировать её основные выводы. В то же время, работа харьковского учёного вряд ли может считаться настолько компилятивной, насколько считала её таковой А. А. Чекалова, отмечавшая, однако, что В. К. Надлер глубже своего предшественника разобрался в причинах восстания Ника⁶⁵. Дискуссия о влиянии на В. К. Надлера крупнейших работ по западноевропейской медиевистике без сомнения выиграла бы, если бы перед фами-

лией В. А. Шмидта была поставлена фамилия уже упоминавшегося выше Д. Финлея. Вполне очевидно, что это его концепция, отвергавшая утверждения историков Просвещения и Э. Гиббона о тысячелетнем упадке Византии, задавала тон всему очерку В. К. Надлера. Влияние Д. Финлея объясняет многие утверждения и выводы харьковского историка, которые, без сомнения, могут считаться вполне прогрессивными в тогдашней византистике.

«Одним из замечательнейших феноменов всемирной истории» называет В. К. Надлер Византийскую империю уже на первой странице своего труда и берётся оспаривать распространённую на Западе концепцию о византизме, как «китаизме на европейской почве», «тысячелетней агонии разлагающегося общества», деспотизме в самой уродливой его форме и т. д.⁶⁶ Автор считал весьма ограниченными попытки большинства представителей западной науки объяснить долгую историю Византии как «разлагающегося трупа», «причинами чисто внешнего свойства»: выгодами географического положения, отличными укреплениями самого Константинополя, мирным характером ближайших соседей Византии – славян⁶⁷. Причину живучести Византии, – то главное, на что советуют обратить внимание современные византисты⁶⁸, – он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах. И вряд ли верноподданическими настроениями консерватора и монархиста В. К. Надлера можно объяснить его последующую глубоко научную аргументацию. Внутренние причины живучести Ромейской империи виделись ему и в государственной политике постоянного обновления «дряхлающих сил свежими варварскими элементами», в результате чего в Византии ничего не значило происхождение, зато «личное достоинство значило всё»; и в долго державшейся избирательности императорской власти, что должно было ограничивать деспотизм и произвол; и в развитом, превосходно работающем бюрократическом аппарате, который учёный признавал главным субъектом власти⁶⁹. К этому можно было бы добавить сильную государственную власть, публичное право, не слитое с частным, личным, как на варварском Западе, разветвленную государственную налоговую систему, живительные механизмы рынка, сохранение государственных монополий, особую роль монашества, препятствовавшую превращению империи в теократическую монархию, особенности восточного христианства и связанного с ним ромейского мировоззрения и многое другое. Об этом пишут ныне⁷⁰, но первым всегда трудней, а потому их вклад бесценен.

Важнейшими институтами, ограничивающими императорский произвол, В. К. Надлер считал церковь, армию и партии цирка. Он оспаривал распространённую в западном византиноведении точку зрения о декоративном характере и ничтожном влиянии цирковых партий. В современной британской византистике, например, эти идеи до сих пор разделяет А. Камерон, который считает цирковые димы не партиями, а лишь своеобразными клубами спортивных фанатов, таким образом, отказывая им в какой бы то ни было заметной роли в социально-политической жизни империи⁷¹. В. К. Надлер, напротив, заявлял, что они являлись «громадными учреждениями, в которых принимали непосредственное участие десятки тысяч лиц». Доказательная база В. К. Надлера в данном случае строилась на анализе главным образом политических и конфессиональных воззрений членов ипподромных партий; учитывался территориальный принцип формирования, но не учитывался или учитывался в незначительной степени их социальный состав, – то, на что гораздо позже, во второй трети XX в. обратят внимание признанные «классики проблемы», Г. Манойлович, А. П. Дьяконов, Ж. Жарри⁷². Общая концепция В. К. Надлера об активном характере институтов, ограничивающих императорскую власть, в том числе факций цирка и димов, вполне логично предполагала такой

исследовательский приём, как описание испытания этих институтов на прочность. Для этого автору и понадобилось показать общий характер правления Юстиниана и Феодоры, правления, вызвавшего крупнейшее восстание цирковых группировок и народных масс – «Ника!»

Это правление В. К. Надлер рисовал достаточно чёрными красками. Сотканному из противоречий, подверженному внешнему влиянию, ограниченному дарованиями, но не амбициями Юстиниану учёный противопоставлял властность, стойкость, жадность и глубокий ум его жены Феодоры. Именно её влиянием, а также влиянием другого творца его правительственной системы – квестора Трибониана, автор объяснял принятие Юстинианом самых непопулярных решений⁷³. Тайным противникам царственной четы, оставившим заметки, написанные, по выражению Шарля Диля, «не чернилами, а желчью», исследователь явно доверял больше, чем апологетам. Впрочем, подобные высказывания В. К. Надлера на характер правления Юстиниана I не были оригинальны даже в отечественной византистике, и высказывались уже его предшественниками, в том числе в украинских землях Российской империи⁷⁴. Современным же исследователям в Юстиниане видится несколько иной политический типаж первого лица империи, гораздо более своевольный и более талантливый, но в отношении Феодоры и ее многостороннего государственного влияния, претензий на собственную политику, даже внешнюю дипломатию сомнений практически нет⁷⁵.

Рассматривая причины восстания «Ника», В. К. Надлер сумел преодолеть ограниченность своих предшественников и ряда потомков, выдвигавших на первый план династические, конфессиональные требования или личные обиды прасинов на несправедливое отношение к ним императора⁷⁶, либо вовсе не посчитавших возможным подробно остановиться на характеристике этих причин⁷⁷. В. К. Надлер не только выделял финансовую политику Юстиниана как важнейшую причину восстания⁷⁸, чем предвосхитил трактовки Ф. И. Успенского и Э. Штейна⁷⁹, но и демонстрировал в данном случае широкий комплексный подход, свойственный и концепции А. А. Чекаловой. Выдвинутые ею причины: экономические, социальные, политические, религиозные⁸⁰, фигурировали и в очерке В. К. Надлера. Несколько иной была лишь последовательность изложения этих причин, но не их важности; такой подход вполне отражал влияние новой позитивистской методологии на отечественную византистику, вступавшую в период своего расцвета.

После публикации указанной работы В. К. Надлера в Харьковском университете в течение трёх десятилетий не создавалось работ, непосредственно посвящённых истории Византии. Отдельные византиноведческие проблемы, разумеется, рассматривались в курсах лекций, причём не только в курсах по истории средних веков. Например в своей «Церковной истории» (1902) А. С. Лебедев (1833–1910) стремился выяснить причины разделения западной и восточной (византийской) церквей, показать их внутренние отличия друг от друга. Если западная, по мнению учёного, представляла собой в иерархическом плане монархию, то восточная изображалась им как «федерация поместных церквей». Другим существенным отличием А. С. Лебедев считал их отношение к светской власти. Если на Западе первосвященники в течение веков диктовали законным монархам свою волю, то на Востоке «государи постоянно вмешивались в дела церкви, при этом иногда с нарушением церковных интересов»⁸¹. Однако было бы напрасным занятием искать в лекциях А. С. Лебедева откровенную антизападную официозность. Не говоря уже о том, что отдельные части его работы почти дословно воспроизводят сочинение Д. Робертсона «История христианской церкви от апостольского века до наших дней», А. С. Лебедев с поразительной объективностью повествует об иноверцах. Даже споры

Фотия с римскими папами он считал «личными взаимно-анафемствованиями патриархов, не простиравшиеся на самые церкви, которые в течение 150 лет после Фотия всё ещё хранили между собой единение, хотя и при натянутых отношениях»⁸². Что же касается последствий захвата турками Константинополя, то А. С. Лебедев указывал на то, что «Константинопольскому патриарху Магомет II предоставил такие права, каких он не имел даже и при византийских императорах»⁸³. Более того, учёный даже критиковал отдельные элементы иерархической структуры византийской церкви, например, утверждал, что восточное монашество «не представляло идеального совершенства»⁸⁴. А при характеристике византийско-болгарских церковных отношений А. С. Лебедев, в духе своего коллеги и близкого друга М. С. Дринова, называл эти отношения «греческим гнётом».

Заметно больше византинофильства присутствовало в работах последнего по времени византиниста дореволюционного Харьковского университета Е. А. Черноусова. Его работы не носили фундаментального характера, не были объединены единой тематикой, однако автор преследовал в них одну и ту же цель – преодолеть прогиббоновское предубеждённое отношение к истории Византии, проповедуемое, например, М. С. Дриновым. Это стремление проявилось уже в пробной лекции «Основные черты государственного и общественного строя Византии» (1909). Для опровержения тезиса об анахронизме общественного устройства империи учёный указал на то, что правительство, введя раздачу земель с обязательством нести военную службу, создало институт, близкий к бенефициальной системе Запада⁸⁵. По мнению автора, достаточно чётко были налажены и законодательство, и финансовая система, существовал класс зажиточных землевладельцев, свободных крестьян, а также цветущие города, являвшиеся центрами ремесла и торговли. «Умственная и духовная жизнь Византии, насколько она выразилась в произведениях церковной и светской литературы, так же мало говорит за то, что родина этой литературы была царством мрака и застоя», – подчёркивал автор⁸⁶. Однако раскрытые Е. А. Черноусовым причины падения Византии носили слишком общий характер, поскольку сводились лишь к признанию военного давления извне, к гипертрофии центральной власти и «ненормальному взаимоотношению сил внутри»⁸⁷.

Основные идеи, высказанные Е. А. Черноусовым в его пробной лекции, нашли своё подтверждение в ряде научных публикаций. Так, в статье «Страницы из культурной истории Византии XI в.» (1913) учёный считал, что одним из возражений тезису Э. Гиббона об истории Византии, как об истории упадка и разрушения, является состояние самой византийской культуры. Вопреки мнению Э. Гиббона, Е. А. Черноусов доказывал, например, что правительство Константина Мономаха «решило восстановить начавшее приходить в упадок преподавание наук»⁸⁸ и черпал свои доказательства в открытом им источнике – новелле, изданной в связи с учреждением в Константинополе юридического лица.

Проблема взаимоотношений Византии и Руси была затронута Е. А. Черноусовым в его очерке «К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское» (1916), который тематически продолжил исследования Н. А. Лавровского и А. П. Зернина. Отразившееся влияние Византии на русское право Е. А. Черноусов исследовал на примере «Русской правды». На основе тщательно проведённого текстологического анализа автор пришёл к заключению, что «расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам взыскания с византийским правом», русское право «заимствует у него свою внешнюю форму»⁸⁹.

О высоком уровне византийской историографии даже в эпоху падения империи Е. А. Черноусов писал в статье «Дук, один из историков конца Византии» (1913). Его

творчество харьковский учёный считал несправедливо обойдёнными вниманием европейских исследователей, хотя в нём встречались ценные сведения о дипломатической деятельности Византии и военной организации османов⁹⁰.

Наконец, тезис о высоком уровне развития Ромейской империи был подтверждён Е. А. Черноусовым на основе анализа византийских социально-экономических отношений в статье «Римские и византийские цехи». Статья была написана в связи с публикацией книги А. Штэкли «Позднеримские и византийские цехи». Активность государства в социально-экономической области, по справедливому мнению Е. А. Черноусова, выражалась в том, что оно стремилось регулировать ремесло и торговлю. Для подтверждения своего тезиса учёный детально проанализировал «Книгу Эпарха». Её значение Е. А. Черноусов усматривал в том, что она являлась сборником правительственных распоряжений, которые должны были регулировать торговлю, промышленность, ремёсла, точно определять отношение цехов и их членов как к государству с его монополиями, так и к населению Константинополя и к посещавшим его иностранцам⁹¹. Эта точка зрения впоследствии будет подтверждена в работах М. Я. Сюзюмова⁹².

Подводя итог изучения харьковскими учёными в 1804–1917 гг. истории Византии, следует признать, что Харьковский университет с полным правом может считаться одним из центров дореволюционной отечественной византистики. При всей кажущейся с современной точки зрения простоте, даже примитивности постановок некоторых византиноведческих проблем, они были верны и, что важно подчеркнуть, отличались от прочно укоренившихся со времен Монтескье и Чаадаева преимущественно негативных оценок всего византийского как растленного и упадочного. Исследования, в той или иной степени посвящённые истории Византии, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода и отличались разнонаправленностью, которую на первый взгляд легко спутать со случайностью тематики. Культурная и конфессиональная близость, поиск исторических аналогий и путей развития Российской империи были определяющими факторами, влиявшими на научные интересы учёных. Противоположные друг другу западные концепции Э. Гиббона и Д. Финлея оказывали определённое влияние на их творчество. Хронологически исследования харьковских византиноведов рассматривали главным образом историю ранней Византии. В проблемном плане выделяются две большие группы исследований: работы по истории византийско-славянских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь; работы, посвящённые внутриполитической и церковной истории Византии. Последние особенно наглядно подтверждают неслучайность таких интересов, мастерское, подчас новаторское владение материалом, высокую филологическую подготовку. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории Византии внесли А. П. Зернин (деятельность императоров Василия Македонянина, Константина Багрянородного и патриарха Фотия), Н. А. Лавровский (характеристика русско-византийских договоров IX–X вв.), М. С. Дринов (византийско-болгарские отношения в X в.), В. К. Надлер (деятельность общественных партий ипподрома в VI в. и их роль в политической жизни страны), Е. А. Черноусов (культурная жизнь Византии и деятельность византийских цехов). Эти достижения заложили прочный фундамент последующим византиноведческим исследованиям в Харьковском университете.

- ¹ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). – Ленинград, 1975. – С. 72-73.
- ² Сорочан С. Б., Фёдоров Ю. Ф. Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в – 1917 г.) // Материалы и тезисы научной конференции, посвящённой 30-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ (II Астаховские чтения). – Х., 1994.
- ³ Курбатов Г. Л. История Византии... – С. 78.
- ⁴ Чекалова А. А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. – СПб., 1997. – С. 8.
- ⁵ Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете // ВХУ. – 1991. – Вып. 24. – С. 77-79.
- ⁶ Митряев А. И., Сурков О. М. До питання про оцінку Марина Дринова як історика-славіста // ВХУ. – 1978. – Вип. 12. – С. 67-73; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. – М., 1979. – С. 146-147; Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. – М., 1986; Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. – М., 1988. – С. 222-223.
- ⁷ Шугуров Н. В. Илья Фёдорович Тимковский, педагог нашего времени // Киевская старина. – 1891. – № 9. – С. 406.
- ⁸ Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели государства // РПТСХУ 17 января 1808 г. – Х., 1808. – С. 23.
- ⁹ Ланг И. М. Об изучении юридических и политических наук // РПТСХУ 30 июня 1810 г. – Х., 1810. – С. 98-99.
- ¹⁰ Михайловский К. Речь о начале и происхождении Российского законодательства // РПТСХУ 30 августа 1823 г. – Х., 1823. – С. 18, 23, 25.
- ¹¹ Гордеенков Г. О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи // РПТСХУ 30 августа 1835 г. – Х., 1835. – С. 2, 6, 19.
- ¹² Харитонов Є. Історія приватного права Європи: Східна традиція. – Одеса, 2000. – С. 176-227.
- ¹³ Роммель Х. В. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // РПТСХУ 30 августа 1811 г. – Х., 1811. – С. 49.
- ¹⁴ Дегуров А. А. О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света // РПТСХУ 17 января 1812 г. – Х., 1812. – С. 43.
- ¹⁵ Лунин М. М. Лекции по истории средних веков. – ОР ЦНБ ХНУ. – Ед. хр. 505/с. – Тетрадь 12. – Л. 12.
- ¹⁶ Там же. – Тетрадь 25. – Л. 9.
- ¹⁷ Там же. – Тетрадь 26. – Л. 2; Ср.: Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. – London, 1814. – Vol. 5; Удальцова З. В. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // СА. – 1957. – Т. 28. – С. 318-326; Удальцова З. В. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 3. – С. 23-27; Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. – М., 1959. – С. 439-494.
- ¹⁸ Grabar A. L'âge d'or de Justinien. – Paris, 1966.
- ¹⁹ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. – СПб., 1853. – С. 1.
- ²⁰ Там же. – С. 4.
- ²¹ Там же. – С. 5-6.
- ²² Там же. – С. 7.
- ²³ Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 105-126; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 91-176; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. – М., 1980; Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988; Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki, 1994.
- ²⁴ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб., 2000. – С. 65.
- ²⁵ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 426.
- ²⁶ Сорочан С. Б. Византия IV – IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Х., 2001. – С. 247-250.
- ²⁷ Лавровский Н. А. О византийском элементе... – С. 8.
- ²⁸ Там же. – С. 12.
- ²⁹ Там же. – С. 15, 29.
- ³⁰ Там же. – С. 155.
- ³¹ Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge... – Thessaloniki, 1994.
- ³² Сокальский В. В. О договорах русских с греками // УИ. – 1870. – № 4.
- ³³ Дринов М. Начало на Самуилова държава // ПСБКД. – 1874. – Кн. 9-10; 1876. – Кн. 11-12; Дринов М. Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридский архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7-8.
- ³⁴ Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X в. – М., 1876. – С. 1.
- ³⁵ Там же. – С. 3.
- ³⁶ Там же. – С. 4, 6.

³⁷ *Oikonomides N.* Le commercion d'Abydos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siècle // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin.* – Paris, 1991. – Т. 2: VIII–XVe siècle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrison. – P. 247; *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // *Болгарский ежегодник.* – Х.; София, 1996. – Т. 2. – С. 68–70; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Х., 2001. – С. 309–310.

³⁸ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 9–10.

³⁹ Там же. – С. 18 – 19; 27–29.

⁴⁰ Там же. – С. 70.

⁴¹ Там же. – С. 74.

⁴² Там же. – С. 78.

⁴³ Там же. – С. 84.

⁴⁴ *Дринов М. С.* [Рецензия] // *Записки Академии наук.* – 1881. – Т. 39. – № 8. – С. 88. – Рец. на кн.: *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. – Одесса, 1879.

⁴⁵ Там же. – С. 90.

⁴⁶ Там же. – С. 92.

⁴⁷ Там же. – С. 98.

⁴⁸ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. – М., 1960. – С. 437–439.

⁴⁹ *Зернин А. П.* Император Василий I Македонянин. – Б. м., 1854. – С. 37.

⁵⁰ *Zacharid von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. – Lipsiae, 1893. – S. 22; *Герцберг Г. Ф.* История Византии. – М., 1897. – С. 10; *Соколовский В. В.* О договорах русских с греками // *УИ.* – 1870. – № 4. – С. 17–55; *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. – Wien, 1953. – S. 701–702; *Сюзюмов М. Я.* Василики как источник для внутренней истории Византии // *ВВ.* – 1958. – Т. 14. – С. 67–75; *Каждан А. П.* Василики как исторический источник // *ВВ.* – 1958. – Т. 14. – С. 56–66; *Lopez R. S.* The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // *DOP.* – 1959. – № 13. – P. 78; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der byzantiner. – München, 1978. – Bd. 2. – S. 445; *Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. – Frankfurt a. M., 1986. – S. 100–103; *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 54, 120, 260.

⁵¹ *Васильев А.* Происхождение императора Василия Македонянина // *ВВ.* – 1906. – Т. 12; *Vogt A.* Basile I-er empereur de Byzance. – Paris, 1908; *Adontz N.* L'age et l'origine de l'empereur Basile I // *Byzantion.* – 1933. – Т. 8; 1934. – Т. 9; *Moravcsik G.* Sagen und Legenden eber Kaiser Basileios I // *DOP.* – 1961. – № 15.

⁵² *Зернин А. П.* Император Василий I Македонянин... – С. 50.

⁵³ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Х., 1858. – С. 8.

⁵⁴ История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 2. – С. 207.

⁵⁵ *Constantinus Porphyrogenitus.* De Thematibus et De administrando imperio accedit Hieroclis / *Rec. I. Bekkerus.* – Bonnae, 1840.

⁵⁶ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного... – С. 83.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 20, 23.

⁵⁹ *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and His World. – London, 1973. – P. 1 – 14; *Gregory T. E.* The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // *Actes du XV-e Congrès International des Etudes Byzantines.* – 1980. – Vol. 4.

⁶⁰ Иеромонах Герасим (Яред). Отзвѣсы о св. Фотіи, патриархе Константинопольском, его современников в связи с исторіей политических партий Византийской имперіи. – СПб., 1874; *Лебедев А. П.* История разделения церквей в IX, X и XI веках. – М., 1900. – С. 51–64; *Лебедев А. П.* История Константинопольских соборов IX века. – СПб., 2001. – С. 57–188; *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire, from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802–867). – London, 1912. – С. P. 180–210; *Россейкин Ф. М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. – Сергиев Посад, 1915.

⁶¹ *Зернин А. П.* Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия. – М., 1858. – С. 57.

⁶² *Dvornik F.* The Photian Schism: History and Legend. – Cambridge, 1948.

⁶³ *Зернин А. П.* Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия... – С. 85.

⁶⁴ *Schmidt W. A.* Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. – Zürich, 1854.

⁶⁵ *Чекалова А. А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. – СПб., 1997. – С. 8.

⁶⁶ *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. – Харьков, 1876. – С. 1.

⁶⁷ Там же. – С. 4.

⁶⁸ *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Х., 2001. – С. 333–346.

⁶⁹ *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии... – С. 10–13.

⁷⁰ *Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации. – М., 2005.

- ⁷¹ *Cameron A. I.* Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. – Oxford, 1976. P. 1–2; *Cameron A. I.* Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder // *Byzantion*. – 1980. – Т. 50. – P. 336–337.
- ⁷² *Manojlovic G.* Le peuple du Constantinople de 400 à 800 après J. C. // *Byzantion*. – 1936. – Т. 11. – P. 617–716; *Дьяконов А. П.* Византийские димы и факции (та мерэ) в V–VII вв. // *Византийский сборник*. – М.: Л., 1945. – С. 144–217; *Jarry J.* Heresies et factions dans l'empire Byzantin du IVe au VIIe siècles. – Le Caire, 1968.
- ⁷³ *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. ... – С. 39, 43, 46–48.
- ⁷⁴ *Орбинский Р. В.* Византийские женщины // *Южный сборник, издаваемый Н. Максимовым*. – 1859. – № 3. – С. 175–176.
- ⁷⁵ *Grabar A.* L'âge d'or de Justinien. – Paris, 1966; *Browning R.* Justinian and Theodora. – London, 1975.
- ⁷⁶ *Schmidt W. A.* Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian... S. 24–26; *Diehl Ch.* Theodora impératrice de Byzance. – Paris, 1904. – P. 465–473.
- ⁷⁷ *Bury J. B.* The Nika Riot // *Journal of Hellenic Studies*. – 1897. – Vol. 17.
- ⁷⁸ *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. ... – С. 50–51.
- ⁷⁹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. – СПб., 1912. – Т. 1. – С. 499–500; *Schtein E.* Histoire du Bas-Empire. – Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. – Vol. 2. – P. 441–449.
- ⁸⁰ *Чекалова А. А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. ... С. 282.
- ⁸¹ *Лебедев А. С.* Церковная история. – X., 1902. – Ч. 3. – С. 228.
- ⁸² Там же. – Ч. 2. – С. 31.
- ⁸³ Там же. – Ч. 3. – С. 293.
- ⁸⁴ Там же. – С. 231.
- ⁸⁵ *Черноусов Е. А.* Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – X., 1912. – С. 4.
- ⁸⁶ Там же. – С. 7.
- ⁸⁷ Там же. – С. 10.
- ⁸⁸ *Черноусов Е. А.* Страницы из культурной истории Византии XI в. – X., 1913. – С. 4.
- ⁸⁹ *Черноусов Е. А.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. – Юрьев, 1916. – С. 19.
- ⁹⁰ *Черноусов Е. А.* Дука, один из историков конца Византии. – X., 1913. – С. 25.
- ⁹¹ *Черноусов Е. А.* Римские и византийские цехи. – Б. м., б. г. – С. 4–6.
- ⁹² *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга Эпарха. – М., 1962.